

Павел Васильевич Анненков

**Романы и рассказы из
простонародного быта в 1853
году**

Павел Анненков

**Романы и рассказы из
простонародного быта в 1853 году**

«Public Domain»

1854

Анненков П. В.

Романы и рассказы из простонародного быта в 1853 году /
П. В. Анненков — «Public Domain», 1854

«...Создания, в основании которых лежат жизнь и обычаи простого народа, заметно расплодились у нас во всех формах, и уже начали составлять яркую и, скажем, утешительную черту современной литературы. Много новых элементов для романа, повести и комедии открыли даровитые писатели на этом поприще; много оригинальных лиц и физиономий, принадлежащих исключительно русскому миру, ввели они в дело, и на многие, доселе еще неведомые источники патетического, страстного и комического успели они указать нам...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Павел Васильевич Анненков

Романы и рассказы из простонародного быта в 1853 году

I

«Рыбаки», роман г. Григоровича, явившийся в конце прошлого (1853) года отдельной книжкой, невольно возбуждает потребность отдать отчет о ряде литературных произведений с тем же направлением, каким он отличается. Создания, в основании которых лежат жизнь и обычаи простого народа, заметно расплодились у нас во всех формах, и уже начали составлять яркую и, скажем, утешительную черту современной литературы. Много новых элементов для романа, повести и комедии открыли даровитые писатели на этом поприще; много оригинальных лиц и физиономий, принадлежащих исключительно русскому миру, ввели они в дело, и на многие, доселе еще неведомые источники патетического, страстного и комического успели они указать нам. Бодрость и сила, отличающие всегда плоды свежей, нетронутой почвы, сообщаются и этим народным произведениям и чувствуются даже тогда, когда, отстранив мысленно и с усилием, разумеется, родовую привязанность к лицам, выводимым ими, вы стараетесь взглянуть на них, как чужой на чужого. Чувствуется присутствие оригинальной мысли в этих изображениях нового мира, открытого авторами, который по самой своей замкнутости и своеобычности представляет вместе со многими затруднениями (о чем будем сейчас говорить) и много выгод для писателя. Так, произведения из народного быта всегда сжатее, сосредоточеннее, чем те, которые захватывают разнородные круги общества, а потому и действуют сильнее последних на воображение в минуты самого чтения; они не имеют причин заниматься анализом тонких ощущений и потому кажутся здоровы на вид; они наконец проще в завязке, которая не может быть сложна по существу самого дела и потому кажутся особенно величавыми на первый взгляд.

Отдав полную справедливость качествам, отличающим новое направление в литературе, и всей душой желая еще большего его развития, мы, однако ж, должны предостеречь публику от недоразумения, которое легко может возникнуть по поводу его. Многие и в том числе, вероятно, некоторые из писателей этого рода, думают, что простонародная жизнь может быть введена собственно в литературу во всей своей подробности, без малейшего ущерба для истины, цвета и значения своего. По нашему крайнему разумению, это весьма важная ошибка, способная породить (и порождающая) бесплодные стремления к такой цели, которая вряд ли может быть достигнута. Литературная передача всякого явления имеет свои незыблемые правила, приемы, манеру, которым должен подчиниться материал самый непокорный, и которые налагают клеймо свое на самый гордый и самостоятельный предмет. Что бы ни делал автор для тщательного сохранения истины и оригинальности в своих лицах, он принужден наложить краску искусственности на них как только принялся за литературное описание. Желание сохранить рядом, друг подле друга, требования искусства с настоящим, жестким ходом жизни, произвести эстетический эффект и вместе целиком выставить быт, мало подчиняющийся вообще эффекту, – желание это кажется нам неисполнимым. Еще хуже бывает, когда коснется дело до выражения нравственного достоинства, присущего лицам простонародья. Здесь является опять литературное понимание его, почасту расходящееся с простым, менее требовательным пониманием самого круга. Есть, наконец, множество строгих представлений в литературе, бесспорно принимаемых всеми как фундамент, на котором легко, прилично и удачно могут быть построены завязка и интерес рассказа. В известной степени представления эти не чужды ника-

кому классу; но они никак не составляют обязанности или несчастья для простого человека, и автор принужден иногда гнуть постороннее лицо под ними к земле только силою своего произвола. К этому прибавить надо добрую часть книжных истин, вмешивающуюся, разумеется, невольно от самого автора, в его суждение и сообщающую завязке совсем другой цвет, чем тот, под которым является она невооруженному глазу человека. В этом перечете разных литературных условий нельзя забыть и того, что в арсенале беллетристического произведения есть всегда множество пояснений, развязок и окончательных соображений, готовых к услугам писателя, который должен только владеть талантом правильного выбора; но они, случается иногда, не составляют ни малейшего пояснения, никакой развязки делу в глазах человека, знакомого с ним настоящим образом. Так, истина жизни и литературная истина в смешении своем отнимают друг от друга целые, иногда весьма характерные части. Этим даже можно объяснить отчасти явление, уже замеченное многими. Грамотный, но еще не развитый простолюдин, читая грубые изображения самого себя, не читает пояснений своей жизни, делаемых поэзией и литературой. Действительно, они должны много скрыть в его глазах: так, очертания крыльца и забора итальянской избы пропадают в гуще плюща и винограда, обвивающих их со всех сторон.

Мы весьма далеки от мысли обвинять всех наших рассказчиков в тех погрешностях, которые перечислены нами теперь; напротив, мы видим во всех тщательное старание обойти их. Но это самое и доказывает, что они действительно существуют, и что не всегда могут быть обойдены. Простонародную так называемую литературу никак нельзя сравнивать с теми группами рассказов, какие еще существовали у нас: ни с рассказами об идеальных художниках, томящихся в действительности, ни с светскими повестями, где калейдоскопически противопоставлено внешнее изящество благородству простого, робкого чувства и проч. Те брали преимущественно свои типы из воображения, распаленного ночной работой; простонародные рассказы берут свои типы из жизни и, как мы сказали, часто дают им выражение, глубоко и сильно затрагивающее чувство читателя. Со всем тем общий характер рассказов последнего рода заключается именно в том столкновении искусства с выбранным предметом, о котором сейчас говорено было. Почти в каждом рассказе видите вы тяжелую борьбу между литературной манерой и бытом, который подчиняется ей не совсем охотно. Есть напряжение со стороны писателя и добрая цепь изворотов, которые не укрываются от глаз читателя. Борьба писателя переходит и на чтеца его, и какое-то необъяснимое сомнение идет об руку с невольным увлечением от рассказа. По окончании чтения вы побеждены автором, благодаря многим превосходным частностям, столь изобилующим в новых произведениях, благодаря мастерским описаниям, ярким освещениям картин, что составляет неотъемлемую принадлежность этой школы, благодаря наконец чертам глубоко и верно подчиненным в жизни; но когда возвращаетесь вы к основной мысли произведения, суждение ваше опять двоятся. В душе вашей рождается смутное и неопределенное чувство. Вы знаете, что рассказ превосходен; но вы спрашиваете, много ли в нем истины самой по себе, и так ли сказывается она в известное время и в известном месте?

Довольно замечательно, что сличением разных произведений одного и того же рода, вопрос, заданный вами себе самому, не разрешается, а напротив – еще более запутывается. Кто не знает из русских читателей, что в небольших рассказах, где дело собственно в подметке внешней физиономии простолюдина, в описании обычая, привычек его, в изложении *формальных* его отношений к другим людям и, наконец, в уловлении характеристических частных его быта и природы, где он движется, школа произвела несколько образцовых вещей. Таковы некоторые рассказы гг. Тургенева, Писемского, Кокорева и многие эпизоды самого г. Григоровича и проч. То же самое можно сказать и о вводных лицах у других писателей, не занимавшихся преимущественно тем отделом, о котором говорим. Верность подлинному типу и истина самого представления бросаются везде в глаза читателя. Наслаждение это еще увеличивается от разнообразия средств, какие употребляются писателями для выражения типов, встречен-

ных ими. Род таланта, свойственный каждому из авторов, его художнические способы, освещение, какое преимущественно любит он давать своим представлениям, наконец угол зрения, под которым он наблюдает их, – все это, вместе с живостью изображаемого предмета, оставляет в вас вполне цельное впечатление. Совсем другое бывает, когда писатель переходит к идеализации быта, другими словами к открытию мысли, движущей его, к скрытым душевным ощущениям и к поводам, определяющим его убеждения, привязанности, отвращения. Здесь писатель становится в противоречие почти с каждым из своих читателей, имеющим о том же предмете свои мысли, а также почти и с каждым собратом своим по ремеслу. На этой общей почве писатели, представляющие такое множество точек соприкосновения, уже не сходятся... То, что одному кажется естественным выводом из всей жизни человека, то другому кажется искусственной прибавкой со стороны биографа; где один видит органическую потребность, там другой открывает только случайность, и т. д. Методы приложения чувств и мыслей, имеющих уже право гражданства в образованном мире, к жизни на всех концах общества имеет и защитников, и противников, сражающихся доводами одинаково сильными, т. е. произведениями, в которых искусно развито то или другое убеждение. Из разногласия этого отделяется однако же для наблюдательного глаза, одна непреложная истина. Смущенный читатель начинает догадываться, что настоящее существо дела, слово разгадки, которое должно примирить всех, как древняя река Алфей, бежит под землю, а что вместо дела наружу бросается только *литературное понимание* его, как свежая растительность, доказывающая несомненное существование источника. Но литературное понимание уже не имеет достаточной очевидности, чтоб подчинить себе мысли, убеждения читателя. Будучи делом личного произвола, оно тем же личным произволом и может быть отстранено. Это не капитал, имеющий одну установленную ценность, а фонд, упадающий и возвышающийся, смотря по развитию и состоянию мысли в обществе и по ее направлению. Таким образом литературное произведение является нам как дерево висячих садов, поднятое на огромную высоту, выращенное на почве, тщательно собранной там и, при всей пышности своей, не имеющее того залога настоящей растительной жизни, какая свойственна дереву, самобытно поднявшемуся на родной земле и глубоко пустившему в нее корни свои.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.